

УДК 398.23
ББК 82.3
К93

Художественное оформление — *Владислав Воронин*

В оформлении переплета использована репродукция картины
Жозефа Дюкрё «Автопортрет с зевком»

Предисловие *Александра Архангельского*

Курганов, Ефим Яковлевич

К93 Нелепое в русской литературе: исторический анекдот в текстах писателей / Ефим Курганов; предисл. А. Архангельского. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 256 с. ; ил. — (Звезда лекций)

ISBN 978-5-17-133292-1

Ефим Курганов — доктор философии, филолог-славист, исследователь жанра литературного исторического анекдота. Впервые в русской литературе именно он выстроил родословную этого уникального жанра, проследив его расцвет в творчестве Пушкина, Гоголя, Лескова, Чехова, Достоевского, Довлатова, Платонова. Порой читатель даже не подозревает, что писатели вводят в произведения известные в их эпоху анекдоты, которые зачастую делают основой своих текстов. И анекдот уже становится не просто художественным элементом, а главной составляющей повествовательной манеры того или иного автора. Ефим Курганов выявляет источники заимствования анекдотов, знакомит с ними и показывает, как они преобразились в «Евгении Онегине», «Домике в Коломне», «Ревизоре», «Хамелеоне», «Подростке» и многих других классических текстах.

Эта книга похожа на детективное расследование, на увлекательный квест по русской литературе, ответы на который поражают находками и разжигают еще больший к ней интерес.

УДК 398.23
ББК 82.3

ISBN 978-5-17-133292-1

© Е.Я. Курганов, 2020
© А.Н. Архангельский, предисловие, 2020
© Издательство АСТ, 2020

Как в том анекдоте

Как Журден у Мольера не знал, что разговаривает прозой, так обыватель пользуется разнообразными устными жанрами, даже не догадываясь об этом.

Поднимая бокал во время застолья, он не заботится о том, как будет строить речь, чем начнет, чем закончит; за него работают законы жанра. Он просто говорит — и как-то так само получается, что в начале весело (или торжественно, зависит от случая) указывает на повод. Потом переключается на героев тоста. Если они живы и здоровы, рассказывает об их мечтах и целях, если тост поминальный, описывает прекрасные качества и (не)осуществившиеся надежды. Затем, немного привирая, вспоминает яркий эпизод. И наконец произносит заклинательную формулу, без которой тоста не бывает: «Так выпьем же за то...» Она и превращает заздравную или заупокойную речь в тост.

Вечер продолжается. Приходит время анекдотов. Все по очереди соревнуются в заемном остроумии, и снова вместо человека действуют безличные законы жанра, смешной истории с обманчивым финалом. Законы эти формировались долго, как в высокой дворянской куль-

туре, так и в низовой, мещанской, деревенской. Перемешавшись, высокое с низким дало великолепный результат, получился мощный речевой купаж. И мы с легкостью пользуемся этим результатом.

Между тем иные русские писатели как будто бы нарочно жили так, чтобы к ним «прилипали» анекдоты. Не в нашем современном смысле, а в старинном, когда под анекдотом понимался забавный случай, произошедший с реальным человеком. Или приписанный ему. Скажем, поведение Ивана Андреевича Крылова — яркий пример; обыгрывая собственную полноту, неряшливость и злое остроумие, он отстаивал право литератора быть свободным даже при дворе. Пускай комически, пускай через насмешку. И в прямом смысле слова стал «ходячим анекдотом». Если вдуматься, то и памятник Крылову на Патриарших прудах в Москве анекдотичен во всех смыслах. И по некой нелепости, и по тому, что превращает скептического разочарованного философа в забавного детского автора. То есть использует неожиданную развязку. Как и полагается в анекдоте.

Анекдот развлекает. Фиксирует острую мысль. Иногда освобождает от царящего страха, дает короткую юмористическую передышку среди ужаса жизни. Он живет и в сталинские времена, и в брежневские; он сопровождает перестройку. Сейчас «поставки» новых анекдотов резко сократились. Но пока возникла небольшая пауза в процессе производства анекдотов, самое время прочесть книгу о них — и разобраться в жанровых законах.

Ефим Курганов, который всю жизнь занимается этой темой, берет читателя за руку — и ведет за собой в пространство анекдота, что в жизни, что в литературе, что в высокой дворянской культуре, что в советском быту. И раскрывает в нем порой не анекдотические смыслы.

Александр Архангельский

Неумирающий жанр

Русский анекдот представляет собой явление крупное и самобытное. Беда лишь в том, что, как жанр открытый, свободный, злободневный, он целые столетия внушал опасения властям и начальствующим лицам в области культуры. Зачастую анекдот не столько игнорировали и принижали, сколько вообще отрицали его существование, делая вид, что русского анекдота просто нет и никогда не было.

Эта пагубная инерция сохранялась долго. Уже во второй половине XX века (в 1984 году) великий фольклорист В.Я. Пропп в своей книге «Русская сказка» утверждал, что никакого русского анекдота нет и это всего лишь разновидность бытовой сказки.

Между тем русский анекдот — совершенно самостоятельный жанр, имеющий свои законы, особенности построения, традиции, и обладающий своим репертуаром сюжетов. Его совершенно законные права на существование очень долго не решались признать по вполне понятным причинам: этот мобильный, предельно динамичный жанр внушал опасность. Время от времени отдельные тексты анекдотов печатались в составе сборников ранних русских

сказок, но крайне выборочно, с исключительной осторожностью.

Поклонники этого самобытного жанра часто побаивались даже составлять собрания анекдотов, а уж публиковать — тем более. Так, например, драматург А.Н. Островский, автор пьес «Гроза», «Бесприданница» и других шедевров, долгие годы собирал анекдоты, но не мог даже и подумать, что они когда-нибудь появятся в печати. Какие-то крохи из коллекции драматурга в 1961 году были включены в состав сборника «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века» (М.-Л., 1961).

То, что произошло с коллекцией анекдотов А.Н. Островского, отнюдь не случайно. Это связано с общей весьма грустной тенденцией: корпус русского народного анекдота до сих пор не собран и не систематизирован.

Однако помимо народного существовал еще и анекдот литературный, историко-биографический. Вокруг него в русской культуре второй половины XVIII — первых десятилетий XIX века образовалась богатая и разветвленная традиция.

Были созданы целые циклы текстов, возник и утвердился круг блистательных рассказчиков и остроловов. При этом надо иметь в виду, что народный анекдот принципиально анонимен, он не имеет и не может иметь авторов. Литературный же (исторический) анекдот, несмотря на устную форму бытования, практически всегда имеет автора и располагает целыми авторскими стилями.

В 1820–1830-е годы было предпринято несколько попыток запечатлеть в письменной форме феномен русского литературного анекдота. Первым это сделал А.С. Пушкин в записках, названных им «Table-talk» («Застольные разговоры»). Это первый опыт фиксации русского литературного анекдота. Причем А.С. Пушкин, как завзятый фольклорист, после каждого анекдота указывал, от кого он был им услышан.

Пушкин, как видно, готовил эту коллекцию к публикации в своем журнале «Современник», поэтому он стилизовал тексты анекдотов, сглаживал «острые углы».

Еще в 1812 году начал записывать анекдоты П.А. Вяземский, создавая попутно и портреты рассказчиков и острословов. Через несколько десятилетий работы появилась его монументальная «Старая записная книжка». Собирая громадную коллекцию анекдотов, Вяземский явно имел в виду ее публикацию, редактируя накопленное. Во всяком случае, анекдоты, вошедшие в «Старую записную книжку», во многом лишены остроты и своей первозданной грубости.

Была также предпринята еще одна попытка закрепления на бумаге русского литературного, историко-биографического анекдота. Это коллекция Н.В. Кукольника, поэта, драматурга, романиста. Благодаря своим трагедиям, исполненным верноподданнического духа, он был официально признан самим императором Николаем I. Одновременно с этим Кукольник составлял коллекцию анекдотов, хотя на публикацию их никоим образом не рас-

считывал, и анекдоты у него представлены в их перво-
зданном виде: живые, точные, сочные, подчас грубоватые.
Поэтому коллекция Кукольника имеет особую историко-
литературную ценность. Она включена в настоящую анто-
логию почти целиком, с отдельными купюрами во второй
части.

В пушкинскую эпоху анекдот пережил на русской
почве, пожалуй, высочайший расцвет. В самом деле, он
запечатлевал целый срез дворянского быта, и при этом
весьма значимый, поднимался до высокого литератур-
ного ряда, непосредственно проникал в ткань художе-
ственных текстов и, наконец, чрезвычайно ценился как
особый род исторического свидетельства.

Братья Гонкуры некогда образно заметили, что анекдот
есть мелочная лавка истории. Сказано очень метко.

Анекдот всегда представляет частное событие, случай
(безымянен ли он или связан с известным лицом — это
в общежанровом плане принципиального значения не
имеет), который оказывается барометром, указывая на
«температуру» общества, выступая как показатель нравов.

В анекдоте в обязательном порядке должны соеди-
ниться внешняя точность и внутренняя значительность.
Сочетание это как раз и обеспечивает роль анекдота как
особого рода исторического документа, открывающего
важное через мелкое, тенденцию через деталь. В крупной
идеологической конструкции, отличающейся внешними
масштабами, в парадном портрете, поражающем велико-

лепием, анекдот чувствует себя не очень уютно — он там часто неуместен. Но если важно показать жизнь общества изнутри, если необходимо высветить господствующие в нем привычки, представления, вкусы, а также скрытые тенденции, то тут-то и не обойтись без анекдота, тут-то он и выступает на правах исторического свидетельства.

Причем и в фольклорном, и в литературном, историко-биографическом анекдоте на самом деле совершенно не имеет значения, произошло ли в действительности то, о чем повествуется: не важно, что так было, а важно, что так могло быть.

Анекдот в первую очередь представляет интерес как живая, колоритная подробность, как показатель того, о чем судачат в салоне, в дружеском кружке, на улице.

Можно ли полностью доверять анекдоту? Этому коварному жанру ни в коей степени не следует доверяться и принимать его порождения за чистую монету. Ценность анекдота в другом: он совершенно незаменимый помощник в живом, искрометном, убедительном воссоздании картины нравов. Тут-то анекдот и получает права исторического свидетельства, своего рода документа, и становится очень актуальным.

Встраиваясь в картину нравов, анекдот по-особому освещает ее, но и сам при этом начинает выглядеть чрезвычайно ярко, убедительно, колоритно; иными словами, он оживляет и одновременно оживает сам. Причем особенно важен анекдот при построении биографии.

Конечно, существуют биографии (в особенности официальные или героизированные), которые вполне могут обойтись без присутствия анекдота. Однако еще со времен античности (Плутарх, Диоген Лаэртский, Светоний) анекдот стал подлинным украшением биографии, ее необходимым компонентом. Он являлся своего рода голограммой, ибо способствовал тому, чтобы воссоздаваемую личность можно было предельно емко, выразительно, непосредственно ощутить как живую.

В России подробное знакомство с культурой анекдота произошло еще в XVII столетии. Тогда, в основном через польское посредничество, появились многочисленные рукописные сборнички так называемых *фацетий* (лат. *facetia* — шутка, небылица) — разного рода историй, подчас забавных, из жизни греческих философов и римских императоров. Затем вышли сборники апофегм (дословно с греческого: «говорить напрямик» — краткое и меткое наставительное изречение) — образцы все той же западной литературы анекдотического содержания, чуть более значительно переработанные; но подлинной самобытности там еще было мало.

Анекдот как самостоятельный литературный жанр стал утверждаться в России во второй половине XVIII века по модели французской рафинированной культуры. Переломным моментом стали эрмитажные собрания у императрицы Екатерины II, на которых появился и стал блистать обер-штальмейстер двора Лев Александрович Нарышкин.

Этот знатный вельможа и одновременно простонародный балагур создал настоящую культуру анекдота. Он был рассказчиком высочайшего класса (его устные новеллы представлены в настоящей коллекции). Собственно, с нарышкинских рассказов и острот и берет начало оригинальная русская анекдотическая традиция.

Однако настоящий расцвет жанра, его подлинный апогей пришелся, как уже говорилось, на пушкинскую эпоху. Для этого были свои причины.

Именно к середине 1820-х — началу 1830-х годов жанр русского анекдота, можно сказать, окончательно сложился: определились, выкристаллизовались его внутренние законы и тенденции, установился репертуар сюжетов, круг и основные типы рассказчиков. Кроме того, в пушкинскую эпоху анекдот стал уже не просто реальным и полноправным участником литературного процесса, но и начал осмысляться как достаточно важный и ценный фактор отечественной культуры, который в силу устного характера своего бытования может позабыться и исчезнуть. Иначе говоря, явственно стала обозначаться тенденция к сохранению жанра в национальной памяти. Происходило это, однако, при обстоятельствах достаточно драматичных.

После разгрома восстания декабристов русское дворянство потеряло свое прежнее влияние, что вызвало приток новых общественных сил (П.А. Вяземский назвал их «наемной сволочью»). Дворянской культуре, занимавшей до того главенствующее место в русской жизни,

пришлось потесниться. Это неизбежно отразилось и на неписаных законах общественного поведения. Воспитывавшаяся на протяжении нескольких поколений культура общения перестала быть определяющей нормой. И, как прямое следствие этого, стал уходить в бытовую повседневность и анекдот, довольно быстро потеряв ореол литературного жанра, к которому неизменно обращались русские писатели. Тогда-то под анекдотом и начали понимать нечто легковесное, несерьезное, малозначащее. Именно в результате осознания того, что жанр уходит, выдыхается, что блистательные его традиции меркнут, и были предприняты две фундаментальные попытки по спасению жанра: упомянутые выше «Table-talk» А.С. Пушкина и «Старая записная книжка» П.А. Вяземского. Показательно, что появились они в ходе острой и непримиримой борьбы с так называемым торговым направлением в литературе, в процессе отстаивания лучших ценностей, созданных дворянской культурой. В круг этих ценностей и Пушкин, и Вяземский включали не только создания архитектуры, музыки, литературы, но и совершенно особую сферу — устную словесную культуру, одним из ведущих жанров которой как раз и был анекдот.

Что же считали анекдотом люди пушкинской эпохи? На этот совершенно естественный вопрос дать краткий, исчерпывающий ответ, к сожалению, почти невозможно.

Под анекдотами тогда понимали и исторические труды (скажем, «Тайная история (Анекдота)» П. Кесарийского, «Анекдоты о царе Петре Великом» Вольтера и т.п.), и лите-